

От поместья Девятого принца до Запретного города путь пролегает через самую ось столицы. Хотя все резиденции принцев обычно располагаются в окрестностях Запретного города, расстояние до них бывает разным.

Ши Жосянь приподнял занавеску кареты, украдкой разглядывая оживленные столичные улицы. Город пестрел товарами, дома ломились от шелков, лица уличных торговцев сияли здоровьем, старики ступали легко, а дети заливались звонким смехом. Возгласы продавцов сахарных фигурок тянулись длинными распевными нотами, вплетаясь в ароматный гул рыночной площади. Да Ци был богат и силен, поэтому даже у подножия императорского дворца жизнь кипела самой простой, земной радостью.

Ши Жосянь засмотрелся, на какое-то время даже притих. Свет из окна падал на его ясные, словно вода, глаза, отражаясь мягким сиянием. Се Моюнь проследил за его взглядом и увидел счастливое семейство у торгового лотка.

Сердце Се Моюня дрогнуло:

— Заскучал по дому?

Ши Жосянь кивнул:

— Скучаю по вкусу родных краев.

К счастью, позади осталась лишь половина пути, иначе Се Моюнь не был бы уверен, не натворит ли Ши Жосянь дел из-за незнания местных порядков.

— Какой это вкус? — спросил Се Моюнь, прочистив горло. — Со мной ты можешь вести себя как хочешь, но во дворце нужно соблюдать строгие правила. Ты — принцесса Лоуланя, но дворцовый устав суров, будь, пожалуйста, осторожен.

Ши Жосянь, который минуту назад с восторгом разглядывал дешевые уличные лакомства, вдруг приуныл. Но любые объяснения сейчас казались излишними.

— Остановите, — негромко скомандовал Се Моюнь.

Повозка остановилась. Ши Жосянь прильнул к окну, вслух зачитывая вывески всех попадавшихся по пути лавок. Он распахнул глаза, глядя на Се Моюня. Тот тяжело вздохнул.

— Жаль, я больше никогда этого не попробую, — Ши Жосянь смахнул слезинку и жалобно посмотрел на мужа.

Пять минут спустя он уже держал в левой руке сахарную фигурку, а в правой — пирожное с крабовой начинкой.

— Не переживай, с самого детства мой единственный талант — это есть, — сказал Ши Жосянь, уплетая лакомство.

Се Моюнь не нашелся что ответить:

— Тебе не станет плохо от такого количества еды?

Ши Жосянь шмыгнул носом. Се Моюнь заколебался:

— Хочешь, чтобы я тебя покормил?

Ши Жосянь принялся жевать, попеременно откусывая от разных угощений, довольный жизнью. Се Моюнь, все еще находясь под впечатлением от недавней грусти супруга, не заметил перемены в его тоне. Ши Жосянь посмотрел на свои руки, потом на миску с рисовыми шариками — ни от чего отказываться не хотелось.

— Дай мне пару рук, я правда больше не могу удержать, — попросил он.

Се Моюнь поднес ложку к губам Ши Жосяня. Тот поднял лицо от промасленной бумаги, в которую были завернуты пирожные с османтусом:

— Какие еще сладости?

Воздух в карете стал тяжелым. Се Моюнь снова зачерпнул ложку и поднес к его рту, а заметив крошки на губах Ши Жосяня, машинально стер их.

Ши Жосянь выдержал паузу в пару секунд:

— В Лоулане меня всегда кормила матушка. Жаль, больше этого не повторится. Но я не буду плакать по ночам и не скажу твоей матери...

Се Моюнь отдернул руку, пояснив:

— У тебя на губах что-то было.

Но ведь в брачную ночь он точно так же вытирал ему уголки губ. Глядя на счастливое лицо Ши Жосяня, Се Моюнь невольно усмехнулся. Ши Жосянь, к слову, совершенно равнодушно отнесся к золоту и драгоценностям, подаренным наложницей Ли.

— Ничего, супруг, не бери в голову. Я просто иногда вспоминаю вкус дома. Я не стану тайком плакать в подушку и не расскажу об этом твоей матери, — Ши Жосянь откусил еще кусочек крабового пирожного, про себя подумав: «Все-таки наложница Хуа знала толк в еде, и правда вкусно!»

Се Моюнь сдался и поднес миску прямо к губам супруга. Однако Лоулань находился за тысячи ли от столицы, путь был долгим и трудным, да и после поражения в войне Да Ци вряд ли позволил бы принцессе навестить родные края.

— Какие еще сладости? — переспросил Ши Жосянь.

— Пирожные с османтусом, сливовые лепешки, рисовые шарики в пудре, крабовые пирожки и леденцы, — перечислил Се Моюнь.

Ши Жосянь задумчиво нахмурился, выдавая свою оригинальную оценку:

— И это все?

Се Моюнь застыл.

— Да шучу я, — Ши Жосянь ослепительно улыбнулся. — Не волнуйся, супруг, я прилежный ученик школы Чжэнь Хуань, не стоит меня недооценивать.

— Если встретишься с вопросом, на который не знаешь ответа, просто промолчи. Ты приехал из чужих краев, все поймут, что ты не владеешь языком в совершенстве.

Ши Жосянь подпер подбородок рукой:

— А могу я просто притвориться, что ничего не понимаю?

В глазах Се Моюня мелькнуло удивление, он кивнул:

— Тоже вариант.

Ши Жосянь замолчал.

— Между нами притворяться не нужно, — заметил Се Моюнь.

— Я же тренируюсь, — Ши Жосянь уставился на него с выражением лица, которое так и кричало: «Ну похвали меня, похвали!»

Се Моюнь вздохнул:

— ...Ты невероятен.

— Тебе еще многому придется у меня поучиться, — с ноткой гордости в голосе ответил Ши Жосянь. — Это только начало.

Се Моюнь уже научился молчать тогда, когда это было необходимо. Не потому, что хотел избежать общения — от Ши Жосяня было не скрыться. Просто молчание помогало сохранить спокойствие. Своя жена, свои братья — нужно учиться терпеть. Сколько горечи скрывалось в этих коротких фразах.

*

Карета свернула и наконец въехала в Запретный город. Ши Жосянь осмелел настолько, что не просто подглядывал, а высунул голову наружу. Все равно никого нет, почему бы и не посмотреть?

В этот момент мимо них, быстро обгоняя, пронеслась другая карета. В тишине Запретного города грохот ее колес казался оглушительным, а само убранство — вызывающе роскошным и помпезным. Ши Жосянь нахмурился, и когда кареты поравнялись, он встретился взглядом с женщиной в окне. Ее прическа была невысокой, но сплошь усыпана драгоценностями. Она сидела, слегка приподняв уголки губ в выражении нескрываемого презрения.

Но, увидев лицо Ши Жосяня, она изменилась в лице. Она бросила быстрый взгляд на мужчину рядом с собой, а затем с силой дернула занавеску.

Ши Жосянь коснулся своего лица. Красота здесь и правда работает неплохо — он еще ничего не сделал, а ее уже так перекосило. Но на душе остался неприятный осадок.

— Кто это был в той карете? — буркнул он, обращаясь к Се Моюню.

— Лю Юньянь и Се Цянь, — ответил тот.

— Уже по одним именам понятно, что люди так себе, — мгновенно вынес вердикт Ши Жосянь.

Се Моюнь приподнял бровь:

— Дочь премьер-министра Лю Юньянь и нынешний наследный принц Се Цянь. Что скажешь?

Ши Жосянь скривил губы:

— И что с того? Сегодня ты на восточном берегу реки, завтра — на западном...

Се Моюнь молча кивнул. Редко когда от Ши Жосяня можно было услышать столь глубокие мысли. Но тот, хитро сверкнув глазами, вдруг выдал:

— Просто у них папа хороший! Мой отец тоже старается!

Се Моюнь перехватил дыхание:

— Подобные крамольные речи запрещены.

Заметив, как нахмурился Се Моюнь, Ши Жосянь вдруг осознал: зачем ему полагаться на отца, когда прямо перед ним сидит самый перспективный кандидат? Первый «золотой бонус», определенный автором. Полагаться на родителей — это быть принцессой, полагаться на себя — стать королевой, а полагаться на мужа — получить все даром.

От улыбки Ши Жосяня у Се Моюня по спине пробежали мурашки.

— У меня что-то на лице? — спросил он.

— Есть такое, — серьезно ответил Ши Жосянь.

Се Моюнь с сомнением провел рукой по лицу — ничего там не было. Ши Жосянь, полный энтузиазма, вцепился в его руку:

— Супруг, на твоём лице написано: «я успешный человек»!

Он обвел пальцами черты лица Се Моюня:

— Два глаза, один нос, один рот. Боже, ничего не забыли! Ты так гармонично сложен, прямо как все великие люди этого мира!

Се Моюнь опустил поднятый вверх большой палец Ши Жосяня и, не в силах больше терпеть, закрыл глаза.

— Хорошо, спасибо.

Не спорить — это была его последняя форма проявления мягкости.

*

Карета могла доехать только до Восточных ворот, дальше — только пешком. Ши Жосянь, приподняв подол платья, осторожно следовал за Се Моюнем во дворец Куньнин, где жила императрица. Но у самых ворот им сообщили, что императрица нездорова, и попросили Девятого принца нанести визит императору во дворец Янсинь.

Однако и там их ждала неудача. Придворные сообщили, что император занят государственными делами и отправился в Военный совет принимать министров. Ши Жосянь наблюдал, как Се Моюнь с глубоким почтением поблагодарил слуг и направился прочь.

Дважды за день получить от ворот поворот, причем в самый первый визит к родителям после свадьбы — и при этом ни тени гнева на лице, ни капли раздражения в голосе. Се Моюнь лишь терпеливо попросил Ши Жосяня не расстраиваться и пообещал, что во дворце Цынин они

смогут отдохнуть.

Ши Жосянь знал, что в оригинальной истории Се Моюня поначалу не жаловали, но видеть это холодное пренебрежение своими глазами — совсем другое дело. Се Моюнь, решив, что Ши Жосянь злится, попытался его утешить:

— Выпустишь пар, когда вернемся домой. Здесь, если ты что-то натворишь, я не всегда смогу тебя защитить.

Ши Жосянь поджал губы, ничего не ответив.

У ворот дворца Цынин они столкнулись с Лю Юньянь и Се Цянем. Слуги, поклонившись, тут же провозгласили:

— Приветствуем наследного принца и его супругу.

Но на Ши Жосяне они запнулись. Лю Юньянь, насмешливо приподняв бровь, обратилась к слугам:

— Запомните хорошенько: эта красавица — принцесса из Лоуланя, прибывшая для заключения союза. Если бы не она, где бы Лоулань взял столько серебра и земель, чтобы расплатиться?

Слуги в испуге засуетились. Лицо Се Моюня помрачнело, в глазах застыл лед.

Ши Жосянь лишь слегка приподнял бровь, чувствуя, как внутри просыпается азарт.

«Милочка, ты хоть знаешь, с кем связалась? Ты связалась с лучшей ученицей Чжэнь Хуань — Нюхулу Сянем».

<http://bllate.org/book/19091/1874920>